

РЕФОРМЫ В РОССИИ СЕГОДНЯ И 100 ЛЕТ НАЗАД: НЕВЫУЧЕННЫЕ УРОКИ

Проводится аналогия между задачами, вызовами и проблемами, стоящими перед российской экономикой сегодня, и ситуацией конца XIX века. Исследуется противоречивость экономической политики С. Ю. Витте. Обосновывается вывод о невозможности добиться успешного развития российской экономики, не затрагивая политической системы страны, не меняя институты государственного управления.

Ключевые слова: индустриализация, институт, модернизация, общество, политика, реформа, совокупный работник

*Уроки истории заключаются в том,
что люди ничего не извлекают из уроков истории*
О. Хаксли

«Бог не может изменить прошлое, но историки могут», — написал английский писатель XIX века Самюэль Батлер. И уже наш современник, как будто продолжая эту мысль, иронично заметил: «Россия — страна с непредсказуемым прошлым». Действительно, российская история переписывалась так много раз, а трактовка событийного исторического материала в угоду политико-экономическим интересам отдельных социальных групп менялась так часто, что получить неискаженное представление о событиях, имевших место в Отечестве даже всего 100 лет назад, нелегко. Особенно если эти события связаны с деятельностью такой неординарной государственной фигуры, как Сергей Юльевич Витте.

Деятельность С. Ю. Витте, талантливого финансиста и организатора экономики, служит ярким примером того, как важно для страны, чтобы в ряду ее государственных людей были личности реформаторского склада. Не самодержец Николай II, а С. Ю. Витте, занимая пост министра финансов, определял ход российской политики в 1892–1903 гг.¹. В подчинении министра финансов тогда находились департамент железных дорог, торговля, промышленность, то есть он влиял на решение самых важных вопросов. Эти годы можно назвать *эпохой Витте*.

Одно время популярной темой сочинений по литературе в школе была такая: «Пушкин (Лермонтов, Тургенев, Достоевский и т. д.) — мой современник». Идея заключалась в том, чтобы «перенести» героя в наши дни и посмотреть на наше время его глазами. Думается, что С. Ю. Витте, будучи «перемещенным» во времени на 120 лет вперед, обнаружил бы в начале XXI века в России множество практически абсолютных совпадений с ситуацией, вызовами и задачами, которые стояли перед страной в экономическом,

¹ Надо заметить, однако, что С. Ю. Витте пришел не на пустое место: многое было сделано его предшественниками — Н. Х. Бунге и И. А. Вышнеградским.

политическом, социальном плане и в его время. Размышления же самого С. Ю. Витте о делах столетней давности в значительной степени не утратили актуальности и сегодня. Вот лишь пара примеров.

Рассуждая по поводу введенного в 1889 г. министром внутренних дел графом Д. А. Толстым, человеком ультраконсервативных воззрений, *института земских начальников*, С. Ю. Витте приводит следующую мысль: институт этот «основывается на первичной погрешности, которая заключается в том, что в культурном государстве невозможно, именно невозможно смешивать власть административную с властью судебной; власть судебная должна быть независима, так как справедливый суд может быть только при его независимости». И далее «...прочный консерватизм и прочный порядок могут основываться только на законности, а до тех пор, пока в население не войдет в плоть и кровь законность, до тех пор можно будет всегда ожидать самых невероятных сюрпризов» [5, с. 195, 196].

Как и сегодня в России, в конце XIX века в стране не было единства взглядов по вопросу, какую экономическую политику следует проводить. Обсуждаемые пути развития, по сути, сводились к двум альтернативам: *народники* обвиняли предшественника С. Ю. Витте, министра финансов И. А. Вышнеградского, что тот ради железнодорожного строительства обложил крестьянство непомерными налогами и проводит политику, противоречащую культурным и хозяйственным потребностям России; *западники*, напротив, утверждали, что именно задача преодоления культурной и экономической отсталости страны требует, чтобы хозяйственная политика была ориентирована на западный, индустриально-капиталистический путь развития. В правительстве министр внутренних дел В. К. Плеве требовал отказаться от индустриализации как политики несовместимой с самодержавием. Сторонники промышленной модернизации России группировались вокруг его противника — С. Ю. Витте, который именно в индустриализации усматривал единственное верное средство сохранения самодержавного порядка.

Экономическую платформу С. Ю. Витте определяла основная цель: в течение 10–15 лет догнать промышленно развитые страны Европы и вывести Россию в число передовых индустриальных держав. Для достижения этой цели требовалось форсировать промышленное развитие страны с опорой на «подъем ее производительных сил», который С. Ю. Витте связывал с развитием обрабатывающей индустрии и созданием разветвленной сети железнодорожных транспортных магистралей.

Механизмы решения этих задач реформатор видел в неограниченном государственном вмешательстве в экономическую жизнь страны, включая непосредственное участие государства в различных отраслях общественно-хозяйственной деятельности; в привлечении в российскую экономику иностранного капитала (через стабилизацию рубля и введение золотого стандарта); в укреплении позиции России в азиатском и дальневосточном регионе (через экономическую экспансию); в защите молодой национальной промышленности (через протекционистскую внешнеторговую политику)².

² В теоретическом отношении программа индустриализации С. Ю. Витте была основана на идеях, изложенных в «Национальной системе политической экономии» Фридриха Листа (его доктрина «воспитательного протекционизма»), концепция «национальных производительных сил»), а в политическом — на деятельности Отто фон Бисмарка в Германии.

Соответственно, финансовая политика С. Ю. Витте была ориентирована на перераспределение экономических ресурсов от частного сектора к государственному: в 1892–1903 гг. средства государственного бюджета прирастали среднегодовым темпом 10,5 %. Этот прирост обеспечивался за счет роста косвенного налогообложения практически всех важных потребительских товаров и введения государственной водочной монополии. Социальные последствия такой политики для С. Ю. Витте были совершенно ясны, но, тем не менее, на посту министра финансов он наращивал косвенное налогообложение, оправдывая это тем, что лишь таким образом можно мобилизовать средства, требуемые для решения грандиозных задач индустриализации: «великие задачи требуют великих жертв».

За годы реформаторской деятельности С. Ю. Витте в строительство железных дорог в России была вложена сумма, эквивалентная более чем двум среднегодовым национальным доходам российской империи. В результате сеть железных дорог (которые, заметим, при Витте в большей своей части перешли в собственность государства) увеличилась на 86 %.

Под воздействием государства железнодорожное строительство не только приняло беспрецедентные размеры, но стало главным рычагом политики ускоренной индустриализации — тем звеном, «подъем» которого мог бы вытянуть всю цепочку задач модернизации. Через преференциальные заказы отечественным производителям железнодорожных материалов, ценовое регулирование, предоставление субсидий и кредитов, гарантии прибыли для новых предприятий и прочие инструменты, правительство обеспечило достижение высоких темпов экономического роста в 1890-е гг.

Железная дорога втягивала в капиталистический рынок и новые территории: одновременно со строительством дорог, вдоль магистралей на месте деревенских поселений строились новые промышленные предприятия и возникали новые города. Так появились Новосибирск (Новониколаевск), Сретенск, Тайшет, Уссурийск и др.

Индустриальная политика требовала распространения технических и экономических знаний. По инициативе С. Ю. Витте в Киеве, Варшаве, Санкт-Петербурге были основаны политехнические институты [5, с. 420–421].

Экономическая политика Витте отличалась противоречивостью и парадоксальностью: для обеспечения рывка вперед, в индустриальное (капиталистическое) будущее, реформатор использовал средства и условия, сформировавшиеся в далеком феодальном прошлом. Хотя то, что С. Ю. Витте не видел никакого противоречия между идеей индустриализации и сохранением самодержавия, выглядит вполне логично: ведь только неограниченная власть царя и «позволяла ему проводить линию, которую отвергало подавляющее большинство политически активной части общества» [7, с. 281].

Оценка современниками деятельности С. Ю. Витте была большей частью негативной, причем со стороны самых разных социальных групп. Одни обвиняли Витте в насаждении «государственного социализма», другие считали его политику «грандиозной диверсией самодержавия», отвлекавшей внимание общества от социально-экономических и культурно-политических реформ. Тем более что государство как движущая сила индустриализации выполняло эту роль далеко не идеально (коррупция, некомпетентность чиновников и пр.). Как и двести лет назад, при Петре I, российское государство не интересовалось *легкой* промышленностью, а было заинтересовано «в крупномасштабных предприятиях, в слияниях и координации полити-

ки промышленных предприятий, к которым оно благоволило или которые помогло создать» [8, с. 137].

Как это созвучно с оценкой организационных механизмов процессов реиндустриализации в нынешней России! «Складывается впечатление, что все разрозненные элементы промышленной и технологической политики являются результатом лоббирования заинтересованных хозяйственных структур и служат в основном инструментом доступа к средствам федерального бюджета», — отмечают современные исследователи [4, с. 31]

В условиях экономического подъема 1890-х гг. налаженная С. Ю. Витте система работала практически без изъянов. Ее закат начался в 1899 г., когда в стране разразился один из самых тяжелых в ее истории экономических кризисов, за которым последовали годы войны и гражданской смуты. Кризис выявил слабые стороны политики Витте: неприспособленность предприятий, находившихся в сфере государственного хозяйства, к конкурентной борьбе; остававшаяся нереформированной аграрная сфера и нерешенный крестьянский вопрос³. Система Витте строилась на росте государственных расходов, покрываемых за счет растущего налогообложения, главным образом, крестьянского населения, однако «обложение населения прямыми и косвенными налогами достигло крайнего предела своей напряженности... дальнейшее обременение податных сил явилось бы мерою не только не производительною, но едва ли даже вообще допустимою при существующем экономическом положении страны» [1, с. 96].

Было бы ошибкой оценивать результативность политики Витте лишь с точки зрения улучшения хозяйственных показателей и темпов роста российской экономики в конце XIX века (а именно такая оценка обычно и дается). Важно учитывать изменения в организации и функционировании экономической системы, которая всегда носит характер *социально-экономический* и всегда *политически* обусловлена. В этом смысле следует признать, что «Витте так и не провел или не сумел провести реформы общего характера, которые создали бы условия для более свободного развития частной инициативы» [1, с. 90]. Да и собственно экономический рост «обеспечивают не передовые позиции в отдельных, пусть даже важных и крупных производствах и комплексах, а состояние экономики в целом» [2, с. 20]. Эта мысль нашего современника относительно причин пробуксовки нынешнего курса на новую индустриализацию российской экономики верна и для оценки событий столетней давности.

Серьезнейший просчет С. Ю. Витте видится в том, он стремился добиться успешного развития российской экономики, не затрагивая политической системы страны, не меняя институты государственного управления (похоже, что на эти же «грабли» Россия наступает и сегодня). Более того, все, что Витте делал в экономике и финансах, было направлено на укрепление экономического могущества феодального в своей основе российского самодержавия. При этом Витте очень трезво смотрел на *природу* российского государства «Российская империя, — писал он, — в сущности

³ Но это не потому, что С. Ю. Витте не понимал важности крестьянского вопроса для настоящего и будущего России, или не пытался его решить. А потому, что ему не было позволено приступить к реформированию сельского хозяйства: проекту аграрных реформ Витте был поставлен заслон в Министерстве внутренних дел. Необходимой же поддержки со стороны Николая II в этом вопросе Витте не получил. Было как обычно в России: «...мы десятки лет высокопарно все манифестовали: «Наша главная забота — это народные нужды, все наши помыслы стремятся, чтобы осчастливить крестьянство» и проч., и проч. Все это было и до сего времени представляют одни слова» [5, С. 541].

была военная империя; ничем иным она особенно не выделялась в глазах иностранцев. Ей отвели большое место и почет не за что иное, как за силу» [5, с. 509]. Будучи осенью 1899 г. в отпуске в Сочи, С. Ю. Витте, находясь под впечатлением природной красоты и богатства Черноморского побережья, в одном из писем с горечью замечал: «В наших руках это все в запустении, если бы это было в руках иностранцев, то уже давно местность эта давала бы большие доходы и кишела бы туристами. Но куда нам! Для этого нужны капиталы и капиталы, наше же назначение капиталов это война. Мы не можем просидеть и 25 лет без войны, и все народные сбережения идут в жертву войнам. Мы оставляем в запустении богатейшие края, завоеванные нашими предками, а в душе все стремимся к новым и новым завоеваниям оружием и хитростью. О каком благосостоянии можно при таком положении вещей серьезно говорить!» [1, с. 89].

И сегодня, спустя 100 с лишним лет, эта мысль С. Ю. Витте актуальна для характеристики новейшего российского государства. В 2013 г. военный бюджет России составил 68,8 млрд долл., что вывело страну по этому показателю на третье место в мире, после США и Китая. А на каком месте находится Россия по уровню расходов на образование и здравоохранение, экологию? Вопрос риторический. Мы вновь «оружием и хитростью» приобретаем новые территории, при этом свои исконные земли оставляем в запустении...

Инициированная и поддержанная самодержавным государством политика индустриализации (как и 200 лет до этого при Петре I, как и 100 лет спустя при *выбранном* президенте России), в первую очередь служила политическим целям, демонстрации миру того, что Россия является мощной державой, интересы которой требуют уважения со стороны ее соседей. Индустриальная модернизация носила «верхушечный» и частичный характер: проводившая ее власть ориентировалась на такие преобразования, которые укрепляли военную мощь государства как инструмент внешней экспансии. Схожую оценку дает и известный исследователь экономической истории России А. Гершенкрон: «ясно, что государственный интерес к индустриализации был продиктован милитаристской политикой» [8, с. 137].

В августе 1903 г. под натиском своих политических противников С. Ю. Витте был вынужден оставить пост министра финансов. И причиной тому были не только последствия кризиса. Будучи сторонником активной экономической экспансии в азиатском регионе, С. Ю. Витте предостерегал от агрессивной захватнической политики. Россия же все больше втягивалась в гонку вооружений, характер и последствия которой С. Ю. Витте оценивал так: «...происходит постоянная мирная война — война посредством вооружения; на это вооружение тратятся громадные деньги, которые ложатся бременем большей частью на бедный класс населения; и, кроме того, отрывается масса населения от производительного труда; и если не проливается прямо кровь населения, то зато проливается понапрасну его пот, тратятся его производительные силы» [5, с. 223–224]. Витте проиграл борьбу за власть империалистам из министерства иностранных дел. Увы, сокрушительное поражение России в русско-японской войне 1905 г. полностью подтвердило обоснованность его предостережений.

Сбылись и другие предостережения С. Ю. Витте. Анализируя выводы и «уроки», извлеченные правящим режимом из поражения в русско-японской войне, Витте писал: «Наверху же провозгласили, что все виноваты, кроме нас... Сверху пошел

клич: все это крамола, измена, и этот клич родил таких безумцев, подлецов и негодяев, как иеромонах Иллиодор, мошенник Дубровин, подлый шут Пуришкевич... и тысяча других. Но думать, что на таких людях можно выйти — это новое мальчишеское безумие. Можно пролить много крови, но в этой крови можно и самому погибнуть, и погубить своего первородного чистого младенца сына-наследника. Дай бог, чтобы сие не было так и, во всяком случае, чтобы не видел я этих ужасов...» [5, с. 510]. Увы, сие было именно так.

В конце XIX века поворотным пунктом в экономической истории России стал голод 1891–1892 гг. Как пишет немецкий исследователь, «разразившийся голод... похоронил мечту народников о крестьянском социализме и... стало пробиваться... осознание того, что путь индустриального развития не имеет альтернативы» [7, с. 287].

В начале XXI века таким поворотным пунктом стал (?) кризис 2008–2009 гг., который выявил «практически полное исчерпание запаса прочности, которым обладала отечественная экономика в середине 2000-х гг.» [3, с. 3], и «благодаря» которому настоятельная необходимость коренной ее модернизации стала очевидным фактом. Но если Комиссия по модернизации экономики при президенте России ограничивается технократической стороной модернизации, то большинство исследователей и ученых отмечают необходимость комплексного, системного подхода к модернизации.

Например, С. Д. Бодрунов, подчеркивает, что «никакой значительной, устойчивой, имеющей долгосрочные позитивные последствия модернизации мы не получим, если не изменим подходы к формированию основных институтов нашего общества» [3, с. 4–5]. При этом успех институциональной модернизации ученый связывает с верным выбором *общей концепции развития общества* и выделяет две основные модели общественного устройства: модель, построенную на отношениях контроля, и модель, в основу которой кладутся партнерские отношения. Именно преобладание той или иной компоненты (контроль — партнерство) и предопределяет тип общественного образования. Так, в случае превалирования *контроля*, интересы отдельных членов общества подчиняются «долгу гражданина», то есть интересам государства (контролера) и все институты нацелены на охрану государственных интересов. Насколько эффективна такая модель социального устройства? С. Д. Бодрунов дает четкий ответ на этот вопрос: «Поддерживаемая правовым, репрессивным, административным и иным управленческим инструментарием, такая модель позволяет в определенный момент мобилизовать ресурсы государства на реализацию «прорывных» задач». Но поскольку на экономические стимулы эта модель реагирует слабо, то, «несмотря на достижение зачастую отдельных высоких показателей в каких-то направлениях, такое государство становится уязвимым для рыночной конъюнктуры» [3, с. 76]. Ограниченные успехи политики «частичной» индустриальной модернизации, предпринятой С. Ю. Витте в конце XIX века, — ярчайший тому исторический пример. Экономическая «конструкция» Витте не выдержала ударов кризиса, случившегося на рубеже XIX–XX веков.

Надо сказать, что позже С. Ю. Витте пришел к пониманию важности для успешного экономического развития страны правильно выбранной модели ее общественного устройства. В своих Воспоминаниях он пишет: «...главная причина нашей революции — это запоздание в развитии принципа индивидуальности, а, следовательно, и сознания собственности и потребности гражданственности, а в том числе и гражданской свободы». И далее, «при освобождении крестьян весьма бесцеремонно

обошлись с принципом собственности и нисколько в дальнейшем не старались ввести в самосознание масс этот принцип, составляющий цемент гражданского и государственного устройства всех современных государств» [5, с. 506, 508].

Но ведь и спустя 100 с лишним лет мы имеем тот же, по сути, результат! «Отечественная приватизация 1990-х гг. ... не решила главную экономическую задачу – создание предпосылок для формирования не люмпен-пролетариев, а активных частных собственников, заинтересованных в строительстве общества-партнерства» [3, с. 79].

Общества-партнерства... Обратим в этой связи внимание на еще одну сторону модели контролирующего «государства-сверхкорпорации». В таком государстве корпоративная идеология стимулирует разделение общества на группы, «часть которых контролирует ресурсы общества, другая часть в той или иной мере обслуживает «контролеров», а основная масса населения в реальной жизни отстранена от ресурсов. Это ведет к расслоению общества, деградации его элиты, развитию коррупции, неэффективности экономики и, как правило, ее распаду» [3, с. 76].

Схожие идеи развивают и зарубежные авторы, анализируя экономические институты в синергетическом единстве с политическими: в то время как экономические институты имеют решающее значение в определении того, будет ли страна богатой или бедной, именно политические институты определяют, какие экономические институты стана будет иметь [10]. Д. Асемоглу и Дж. Робинсон выделяют две группы институтов — инклюзивные и экстрактивные. *Инклюзивные* институты (прежде всего, гарантирующие права собственности) поощряют участие индивидов в различных видах экономической деятельности, более всего отвечающих их склонностям и способностям. *Экстрактивные* институты созданы для изъятия доходов у одной части общества ради выгоды другой его части.

Экстрактивные политические институты обеспечивают сосредоточение власти в руках узкой элиты, которая выстраивает и экономические институты «под себя», прежде всего, в интересах извлечения ресурсов у остальной части общества. Обогащение же немногих за счет многих позволяет выделять средства на дальнейшее закрепление экстрактивных политических институтов (через щедрую оплату лояльных вооруженных сил, подкуп судей, фальсификацию выборов и т. д.). Экстрактивные политические институты резко повышают ставки в политической игре, ведь тот, кто контролирует государство, контролирует *все*. В обществах с экстрактивными институтами приход оппозицией к власти, под какими бы идеологическими лозунгами это не происходило, создает искушение выстроить новую властную модель по уже имеющемуся образцу, то есть, по сути, оставить институт власти привычно бесконтрольным ради собственных выгод. Это закладывает потенциал политической нестабильности, который при сочетании неблагоприятных обстоятельств приводит к хаосу, гражданским войнам.

С. Ю. Витте и об этом предупреждал: «...когда народ делается, по крайней мере в части своей, сознательным, невозможно вести политику явно несправедливого поощрения привилегированного меньшинства за счет большинства. Политики и правители, которые этого не понимают, готовят революцию, которая взрывается при первом случае» [5, с. 524].

Хотя экстрактивные институты должны создавать богатство, хотя бы для того, чтобы было что извлекать, экономический рост в социальных порядках, построенных на экстрактивных институтах, не может быть устойчивым. И разного рода «экономические

чудеса» в таких социумах не переводят их в новое качество, если только радикально не меняется характер политических институтов. Сосуществование же экстрактивных и инклюзивных институтов непрочно. Частичная замена экстрактивных экономических институтов на инклюзивные может обеспечить на какое-то время высокие темпы экономического роста, но сохранение экстрактивных политических институтов неизбежно приведет к его исчерпанию. Так было и с реформами Петра I, и с результатами реформаторской деятельности С. Ю. Витте, и с периодически предпринимавшимися реформами в Советском Союзе. Особенности экономического развития современной рыночной России, к сожалению, из ряда общих примеров не выбиваются.

Отсюда следует логичный вывод: определение основных направлений модернизации отечественной экономики зависит от ответа на вопрос, к какому типу общественного устройства мы хотим прийти в ближайшие годы. Ответ представляется очевидным: это должно быть *партнерское общество*, в котором главным ресурсом и источником общественного богатства является *человеческий ресурс, мотивированный и свободный в принятии экономических решений* [2, с. 25]. Если С. Ю. Витте основным звеном, «ухватившись за которое можно решить всю цепочку поставленных задач», считал строительство железных дорог, то современники таким звеном все чаще называют «всемерное развитие человеческого капитала, связанное с опережающим развитием интеллектуального и творческого потенциала, профессиональных навыков работников» [10, с. 54–55].

Но это в теории, а что на практике?

На деле в сегодняшней России вовсе не уровень образования и квалификации работников определяет размер их заработной платы, а сфера деятельности. В 2012 г., при среднеотраслевой зарплате 26,6 тыс. руб. в месяц, трудовые доходы в производстве нефтепродуктов и в финансовом секторе оценивались в 59 тыс. руб., а, например, в текстильной промышленности и кожевенно-обувном производстве едва достигали 13 тыс. руб. Огромный разрыв в заработной плате 10 % наиболее высокооплачиваемых работников и 10 % работников, получающих самые низкие трудовые доходы (97,6 тыс. руб. против 6,2 тыс. руб. в 2013 г.) [11]. Сегодня медианная заработная плата в экономике едва дотягивает до 21 тыс. руб., «при этом наиболее дешевая рабочая сила занята в отраслях, которые по определению являются источниками модернизации экономики» [3, с. 122].

Большинство российских работников сегодня не ощущают связи между количеством и качеством труда и своим доходом. В свою очередь, заработная плата, будучи не увязанной с количеством и результатами труда, не выполняет основополагающие функции цены труда — воспроизводственную и стимулирующую. Отрыв доходов одних субъектов от их реального трудового вклада, и формирование доходов других субъектов на основе присвоения рентных ресурсов (природных, административных, политических и т. д.), имеет негативные последствия с точки зрения *мотивации совокупного работника*. Поскольку большая часть работающего населения страны исключена из распределения монопольных и рентных доходов, то чувствует себя «чужой на празднике жизни». В этой ситуации, как говорил советский сатирик, «вы делаете вид, что нам платите, мы делаем вид, что работаем». Но «работа в порядке миража» влечет за собой не только негативные экономические последствия в виде низкой производительности труда наемных работников и слабого интереса к инновационному поведению у предпринимателей, но духовно, нравственно развращает *человека труда*.

В свое время А. Д. Сахаров заметил, что нельзя быть одновременно прогрессивным в экономике и консервативным в политике. По мнению отечественных политологов, сегодня ответ на вопрос, «что вперед — политика или экономика?», для России очевиден: «без реформы политической системы невозможно преодолеть слабость институтов, а без них в свою очередь — повысить эффективность социально-экономической политики и добиться качественного роста экономики» [6, с. 34]. Модернизация в экономике требует политической либерализации, на что власть, однако, пойти не готова.

Отличительная особенность политического фона современной России — отсутствие факторов, формирующих механизмы саморазвития общества, что обуславливает движение по модели не линейной структуры политического процесса с открытым будущим, а циклической, когда новые этапы являются лишь воспроизведением прошедшего. Подобная ситуация (своего рода, политическое *déjà vu*) вызывает у *человека-гражданина* ощущение напрасности любых активных гражданских усилий и действий.

Но если «в развитой стране рациональные аргументы в пользу индустриализации не требуют дополнения квази-религиозным пылом», то «чтобы сломать барьеры застоя в отсталой стране, чтобы воспламенить воображение людей и направить их энергию на службу экономическому развитию, требуется более сильнодействующее средство, чем обещание лучшей аллокации ресурсов... Для того, чтобы сдвинуть горы рутин и предрассудков, необходима вера», — считает А. Гершенкрон [8, с. 141, 140].

А во что верит российский народ? Как и полагается для иррационального чувства⁴, россияне верят во *власть*. Парадоксально, но для 36 % сограждан самым высоким моральным авторитетом является Президент страны [12], хотя ни с какими значимыми экономическими или социальными достижениями *эпоха Путина* (а это, ни много ни мало, 15 лет) не ассоциируется (спортивные мероприятия и саммиты едва ли что меняют в общей картине). Естественно, пользуясь таким всенародным «кредитом доверия», власть и дальше может сводить всю работу по новой индустриализации России к «политической трескотне». Что на самом деле и происходит.

Таким образом, проблематика реиндустриализации отечественной экономики охватывает не только способ производства. С ней соотносятся и политические, и социально-классовые, и культурные, и идеологические вопросы. Если их не решать, то характеристика России как государства, в котором *за год меняется многое, а за столетие — ничего*, останется такой же неизменной, как, в сущности, и сама страна.

Литература

1. *Ананьич Б. В., Ганелин, Р. Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время / Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин. СПб.: ДБ, 1999. 432 с.
2. *Бодрунов С. Д.* К вопросу о реиндустриализации российской экономики / С. Д. Бодрунов // *Экономическое возрождение России*. 2013. № 4 (38). С. 4–26.
3. *Бодрунов, С.Д.* Формирование стратегии реиндустриализации России / Монография / С. Д. Бодрунов. СПб.: Институт нового индустриального развития. 2013. — 680 с.

⁴ В Википедии *вера* определяется как признание чего-либо истинным, часто — без предварительной фактической или логической проверки, единственно в силу внутреннего, субъективного непреложного убеждения, которое не нуждается для своего обоснования в доказательствах, хотя иногда и подыскивает их.

4. Бодрунов С. Д., Гринберг Р. С., Сорокин Д. Е. Реиндустриализация российской экономики: императивы, потенциал, риски // Экономическое возрождение России. 2013. № 1 (35). С. 19–49.
5. Витте С. Ю. Избранные воспоминания, 1849–1911 гг. / С. Ю. Витте. М.: Мысль, 1991. 720 с.
6. Круглый стол журнала «Полис». Куда пойдет Россия: новые возможности и ограничения современного развития. Часть 1 // ПОЛИС: Политические исследования. 2013. № 1. С. 32–49.
7. Цвайнерт Й. История экономической мысли в России. 1805–1905 гг. / Под науч. ред. В. С. Автономова. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. 410 с.
8. Экономическая история: хрестоматия. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. 552 с.
9. Якутин Ю. В. Актуальные проблемы реиндустриализации России / Ю. В. Якутин // Научные труды Вольного экономического общества. 2014. № 1. Т. 180. С. 49–59.
10. Acemoglu D., Robinson J. Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. N. Y.: Random House; Crown Publishers, 2012. 570 p.
11. Затраты на рабочую силу и заработная плата. [Электронный ресурс]: URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/wages/labour_costs/# (дата обращения 06.02.2014).
12. Путин возглавил рейтинг моральных авторитетов России. [Электронный ресурс]: URL: <http://news.nur.kz/332891.html> (дата обращения 18.10.2014).

Об авторе

Даниленко Людмила Николаевна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики и финансов, финансово-экономический факультет, Псковский государственный университет, Россия.

E-mail: daniluda@rambler.ru

L. N. Danilenko

REFORMS IN RUSSIA TODAY AND 100 YEARS AGO: UNLEARNED LESSONS

An analogy between the problems, challenges and issues facing the modern Russian economy and the situation in the late of the XIX century is drawn. We investigate the contradictory economic policy, conducted by Witte. The conclusion about impossibility to achieve the successful development of the Russian economy without affecting the country's political system and changing the institutions of government is made.

Key words: industrialization, institute, modernization, society, politics, reform, cumulative employee

About the author

Danilenko Liudmila Nikolaevna, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Economics and Finance, Faculty of Finance and Economy, Pskov State University, Russia

E-mail: daniluda@rambler.ru